

ИСТОРИЯ ХЛЕБНОЙ ПРИСТАНИ В ГРОДНО: ВОЙНА НА ЗБОЖОВОЙ, СЕВЕРНАЯ РОМАНТИКА И РАБОТА В ОКЕАНЕ

Источник публикации:

Корнеева, Н. История хлебной пристани в Гродно: война на Збожовой, северная романтика и работа в океане [Электронный ресурс] / Наталья Корнеева // vgr.by. — Режим доступа : <https://vgr.by/2020/12/02/istoriya-hlebnoy-pristani-v-grodno-voyna-na-zbozhovoy-severnaya-romantika-i-rabota-v-okeane/>. — Дата доступа : 02.12.2020. — на рус. яз. — фото.

Современная Збожовая — это несколько домиков, построенных после войны между Неманом и заводом карданных валов. В годы войны улица оказалась в центре боевых действий. От дома Любови Романовны, которая до освобождения Гродно жила здесь, сохранился только погреб. Женщина была на Збожовой последний раз двадцать лет назад. История родной улицы осталась только в воспоминаниях.

СОЖГЛИ ВСЮ УЛИЦУ

О том, что в Гродно есть Збожовая улица, знают, наверное, только её жители и... таксисты. Сюда не водят экскурсии, этого уголка города нет в туристических путеводителях.

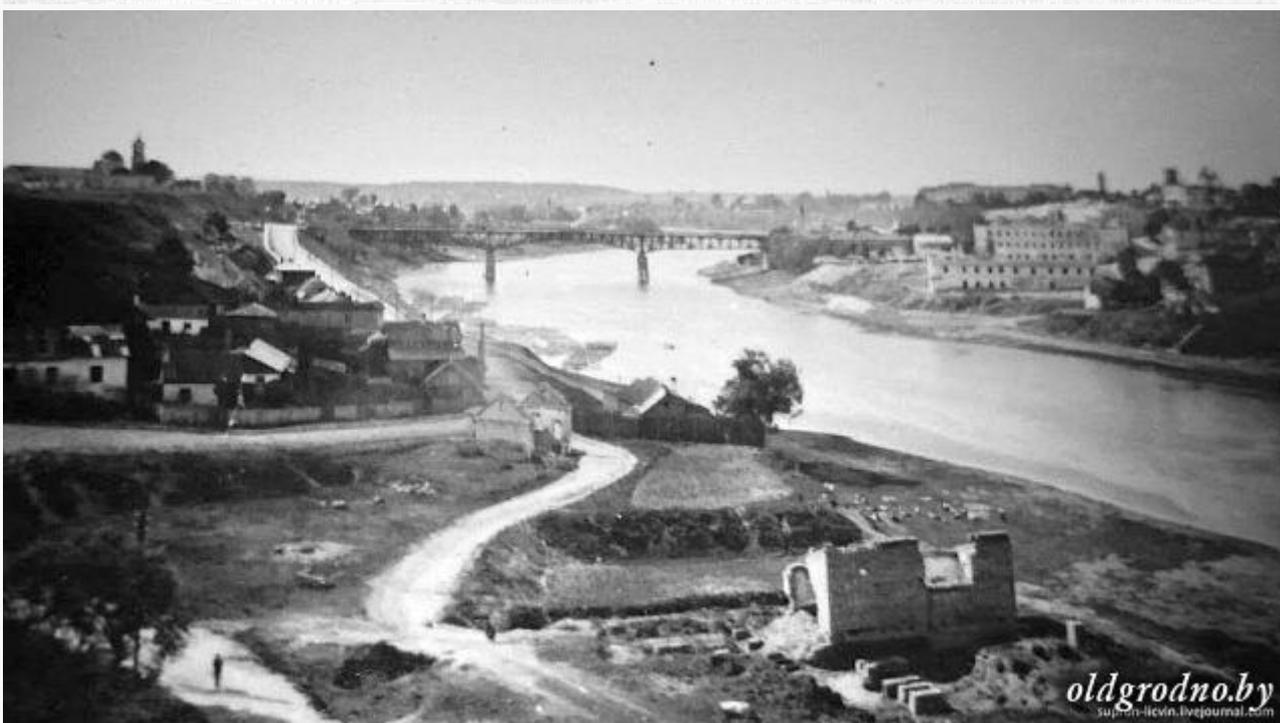
— Это мои родители, — показывает Любовь Романовна на единственный снимок, который сохранился после войны. — Наш дом и всю улицу Збожовую — от

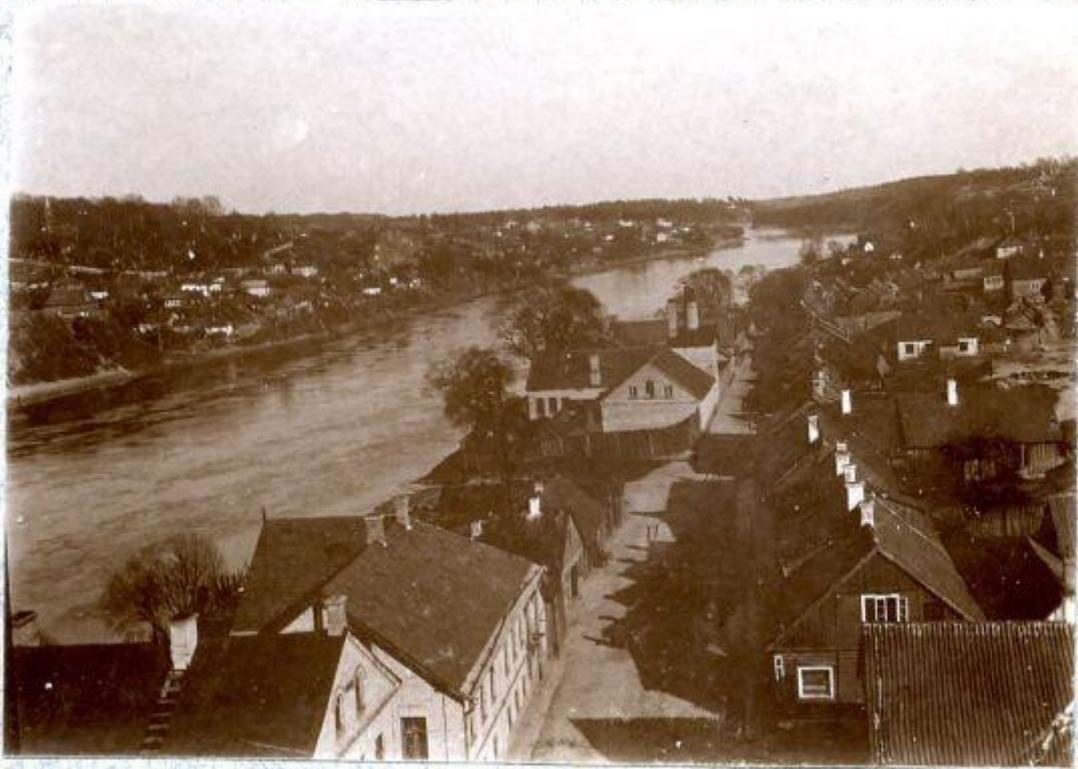
Немана до нынешних цехов «Белкарда» и магазина «Корона» — сожгли. Не тронули только несколько домов в овраге.

Та улица, говорит женщина, была устроена не так, как новая: до войны были проезд и проход под железнодорожным мостом, мельница и магазин, где продавали ее любимые булочки с марципанами. Интересно, что еще сто лет назад эту улицу называли Хлебная пристань — ее знал каждый купец или неманский судовладелец.

— Здесь жило только шесть белорусских семей, остальные — поляки и евреи. Мы чистые белорусы, — говорит наша собеседница. — И нам несладко приходилось: нас называли кацапами, брата постоянно били на улице, старшая сестра хватала полено и мстила за него.

Grodno, Blick von der Zigarettenfabrik (Bücherei).

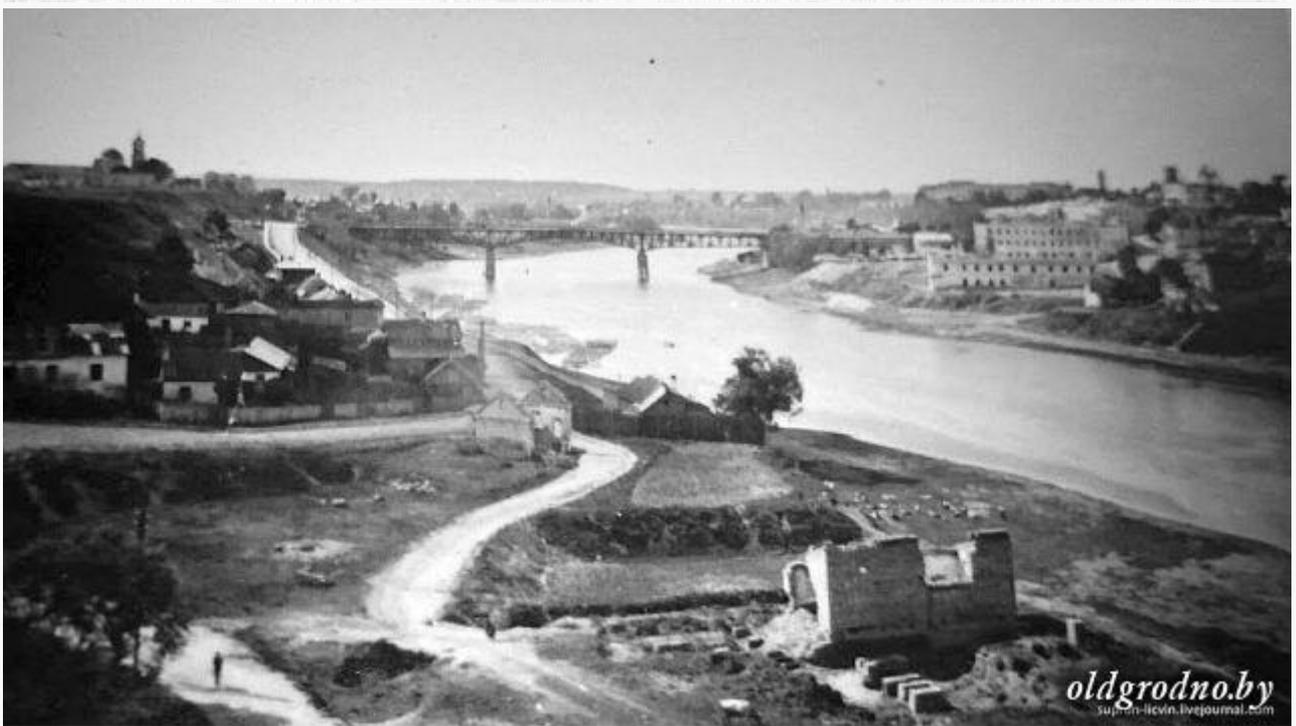
Copyright © Feliks Woroszyński
www.oldgrodnospostcards.com
All rights reserved

Grodno - Süd

oldgrodno.by

*Так выглядел район улицы Збожовой и железнодорожного моста 100 лет назад
и во время Второй мировой войны
фото oldgrodnob.by*

КТО ТАКОЙ ПОПИК?

Жил на улице мастер на все руки, его называли Попик. У него была семья: жена и трое детей. Немцы на него постоянно устраивали облавы.

— Однажды ночью его дом окружили, он в белье выбежал на улицу, попытался скрыться, но зацепился на заборе из колючей проволоки. Немцы его из автомата расстреляли. За ним старший мальчик побежал, его в ногу ранили. Он упал между борозд в поле. Два фашиста подошли и расстреляли его в упор. Нам хорошо всё было видно, потому что наш дом на пригорке стоял, — вспоминает Любовь Романовна. — Попика сразу не разрешили снимать для устрашения.

Потом его и сына похоронили на том самом картофельном поле, и только поздней осенью родственники жены перезахоронили тела на кладбище. Жену Попика, его второго сына и дочку увезли, больше их никто не видел.

РАССТРЕЛ ЗАМЕНИЛИ НА КОНЦЛАГЕРЬ

За отцом, военнотружущим, тоже следили. Дома он появлялся редко.

— Однажды мама послала нас в Румлёво, в воинскую часть, посмотреть, где он. Пришли, а лагерь пустой, палатки нараспашку, только горы батонот и колбасы. Самолёты тучей летели на восток. И мы поняли: началась война.

Позже отца арестовали, брата — тоже, пытали, били, потом отпустили. Отцу угрожал расстрел, но мама сумела договориться с какой-то женщиной, и отца отправили в концлагерь Штуттгоф под Гданьском.

— Лагерь был интернациональный. Там сидели итальянцы, французы. Им присылали богатые посылки: сыровяленую колбасу, печенье, шоколад — и они

делились. Всех насильно гоняли на работу: а если плохо себя чувствуешь, отправляли в газовую камеру.

Когда Красная армия наступала, отца и других узников в марте отправили пешком в Гданьск, чтобы посадить на пароход и отправить в Южную Америку как рабсилу. Из 1500 человек выжило не больше 500. Отца сразу забрали в армию. Домой он вернулся в 1947 году.

ОКАЗАЛИСЬ МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Женщина хорошо помнит события июля 1944 года, когда освобождали Гродно, хотя ей было девять лет. Их дом, как и вся Збожовая, оказался меж двух огней: с одной стороны — немцы, с другой — красноармейцы.

— У нас был большой дом, мы прятались в погребе. Ночью брат ползал за водой к колодцу, — говорит Любовь Ергакова. — Как-то раз мама рано утром пошла в дом сварить картошки и встретила красноармейца. Спросил, где немцы. Мама всё, что знала, рассказала. А он: «Мамаша, прячьтесь, скоро бои начнутся. Если жив останусь, вас найду». Но не нашёл.

Вдруг «затопали сапоги», а в погреб, где прятались, пошёл дым. Прошло немало времени, пока семья вышла наружу.

— Все дома были сожжены, одно пепелище. Остались только голые трубы, как в Хатыни. Пока шёл дым, наши форсировали Неман. Мы догадались, что это они подожгли, чтобы создать дымовую завесу.

БЕЖАЛИ ТАК, ЧУТЬ ПНИ НЕ ВЫКОРЧЬЕВАЛИ

Мама и пятеро детей — старшей дочке было пятнадцать, младшей — около года — пошли вдоль Немана и оказались в Погоранах.

— А там беженцев из Гродно валом. Мы с братом пошли еду просить: кто корку хлеба даст, кто муки. Вернулись, замесили тесто, поставили в печь, а на рассвете нас всех немцы выгнали. Хлеб в печке так и остался.

Куда гонят, никто не знал. С шоссе было видно дорогу на Гибуличи и Гродно. Сразу за шоссе разрешили сесть отдохнуть.

— Вдруг над нами начал кружить наш самолёт. Он стал бросать снаряды мимо нас. Мы бросились в лес. Немцы кричат: «Хальт, хальт!» А все бегут, чуть пни не выкорчёвывают. Пронеслись по лесу, обернулись. Толпа стоит, хохочет — немцы сами повернули обратно.

Пошли по деревням. Жили в сараях, питались чем попало. Узнали, что война закончилась. До города добрались на грузовике, полном трупов.

— Так и вернулись на улицу Збожовую. Дома нет, в подвале ничего нет: всё, что можно было, унесли, даже пальто отца и сестры. Фотографии разбросали, а портрет родителей отдельно лежал — его не растоптали.

КУСОК ТКАНИ И МЫЛО МЕНЯЛИ НА ЕДУ

После войны поселились на территории бывшего гетто в Замковом тупике (бывшая улица Олега Кошевого) в доме еврейского адвоката. Таскали солому, чтобы можно было спать, и фанеру — окна заделать. Однажды сестра нашла кусок ткани и мыло и мама обменяла их на еду.

— Нам давали отруби — ни одна свинья этого есть не будет, потому что остюки овса застревают в горле. Маленькая сестра постоянно плакала: не надо мне клёцки с остюками. Давали иногда кусочек сала, была уже лебеда, крапива, — вспоминает Любовь Романовна.

Сестра поступила в ремесленное училище (оно находилось на современной Большой Троицкой улице) на фрезеровщицу. Остальных детей записали в первую школу на улице Кирова.

— Мы 1 сентября пришли, а нас выгнали, мол, учитесь в белорусской школе. И нас определили в четвёртую школу на Лермонтова. С Замкового тупика надо было спуститься вдоль Городничанки, перейти через мостик, а потом в гору — ходить ого-го, особенно зимой. Четыре года отучилась, а потом перевелась в десятую железнодорожную, в здании «баториевки» возле Фарного костёла. Весь центр был разрушен, уцелела только Фара Витовта.

Когда отец вернулся, семья переехала в дом на улице Советских Пограничников, 13. Здесь умерли родители Любови Романовны.

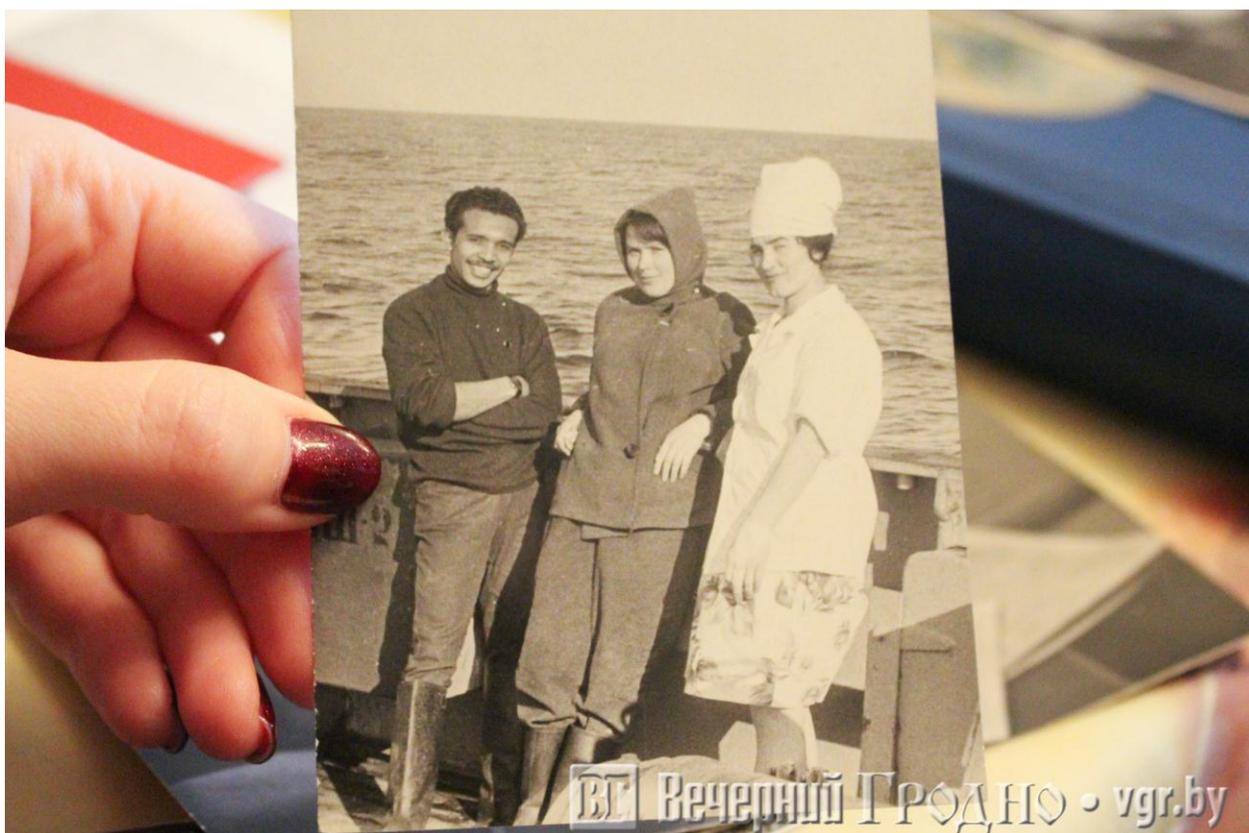
НА СЕВЕРЕ ОБОШЛА ОКЕАН

После школы, в 1954 году, Любовь Романовна поступила в Ленинграде в университет на океанолога: наслушалась подруги-океанографа. Одним словом — романтика. Хотя мечтала стать артисткой, но родители не одобрили.

После учёбы по распределению попала в Мурманск, в полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии (ПИНРО).

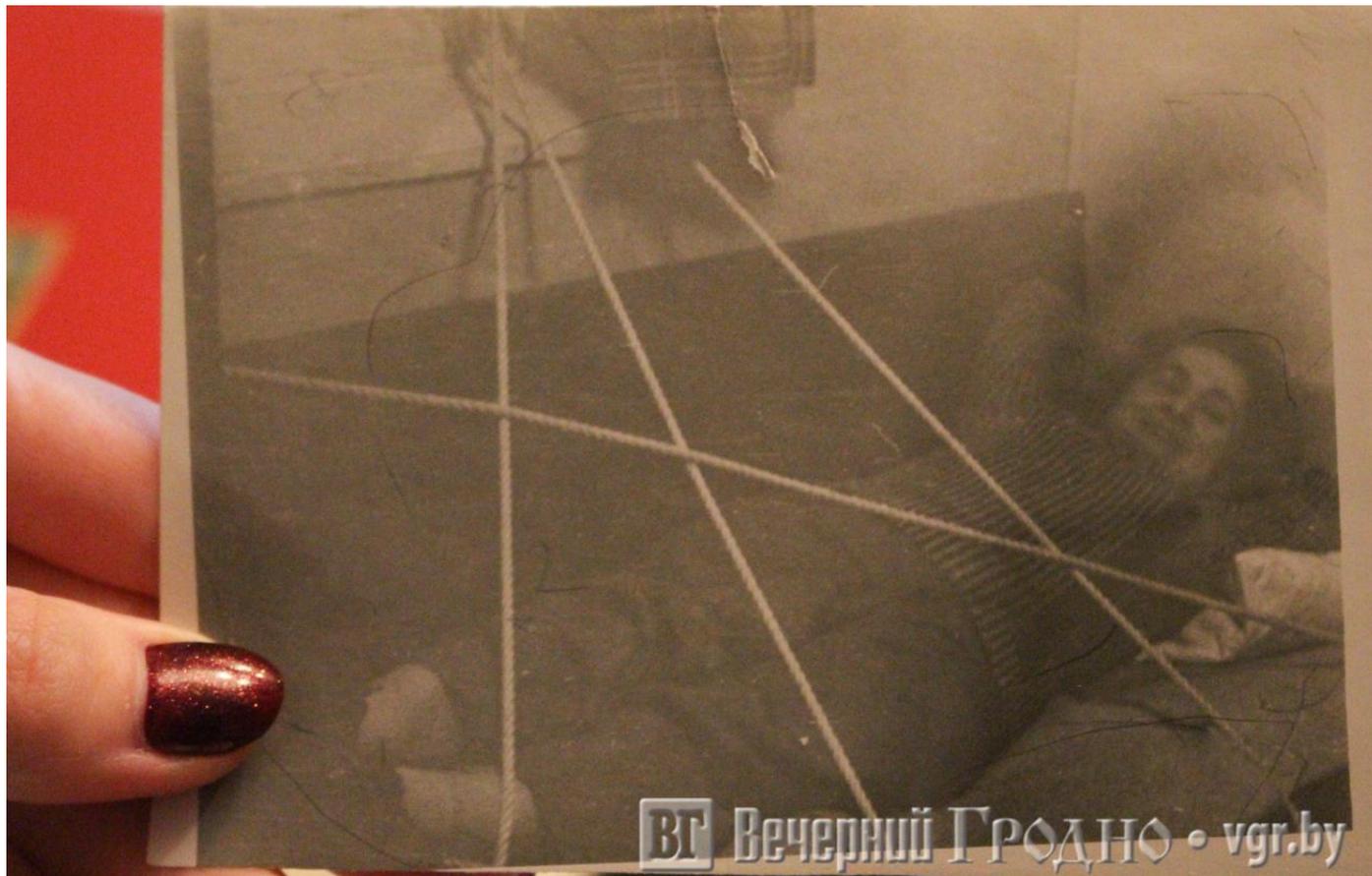
— Профессия чисто мужская. Нужно было работать с приборами на палубе по двенадцать часов. На глаз определяли волны, изучали морскую воду, фиксировали температуру и воду с горизонта, кислород в воде, солёность и другие свойства. Работали на глубине от 1000 до 3000 метров.

За 35 лет Любовь Романовна побывала в экспедициях в Норвежском, Гренландском, Баренцевом морях, в Исландии. Рейсы длились полтора месяца.

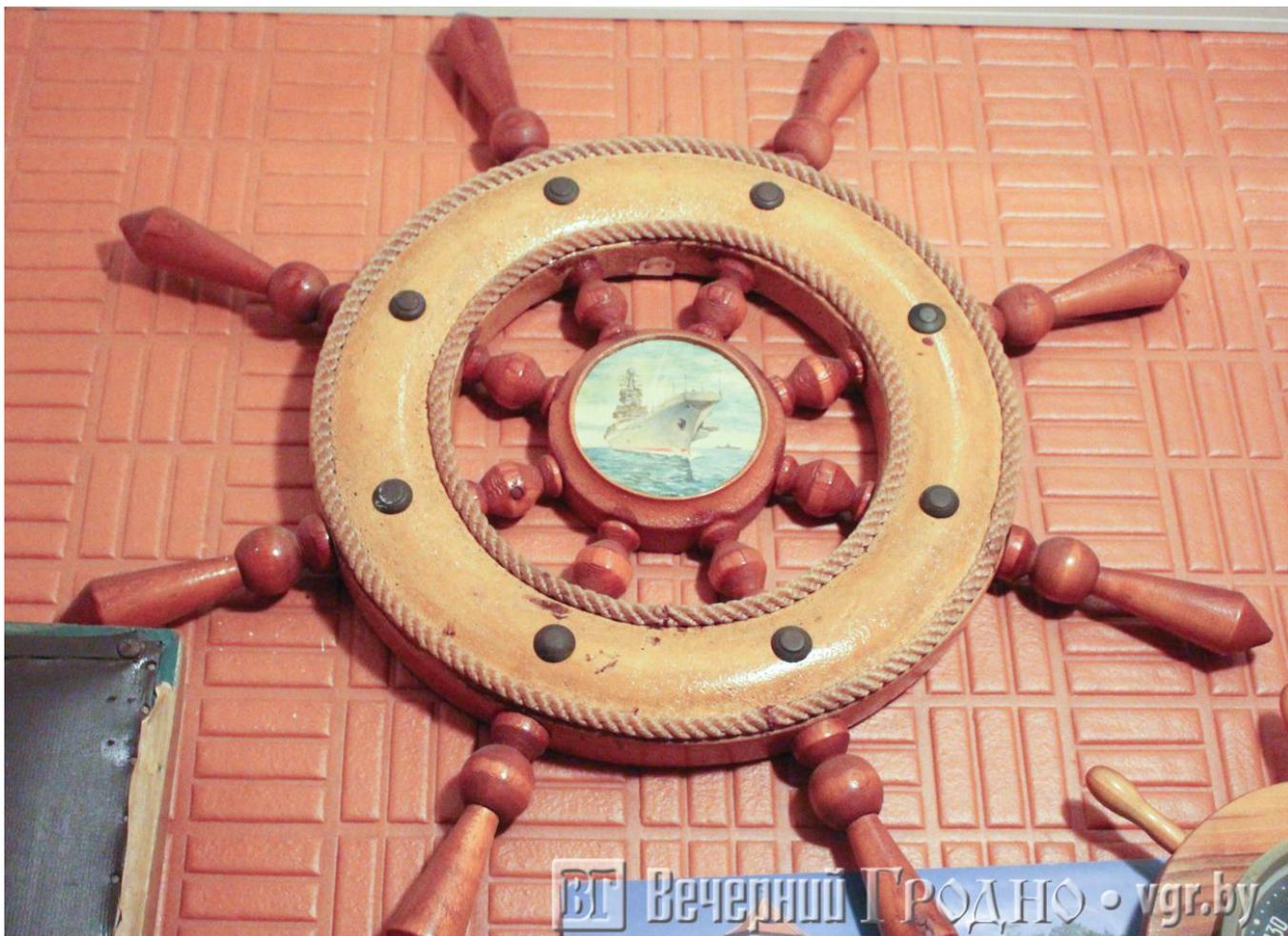
— В Исландии посетили на китовую ферму. Видели, как местные притащили кита размером двадцать один метр, разделали его со скоростью звука и мясо отдали японцам, — рассказала собеседница. — Со мной в экспедиции было два индонезийца. Они учились в Ленинграде и приехали на север: мечтали хоть раз в жизни лёд увидеть.

— Вот так в море спишь. — Показывает фотографию, где кровать перевязана верёвками, чтобы с неё нельзя было упасть. — Качает — спать невозможно. И работать нельзя. Был случай, когда женщину одна волна смыла, а вторая закинула на борт.

На севере Любовь Романовна познакомилась со своим будущим мужем, выпускником училища военно-морской авиации, полковником, с которым спустя сорок лет вернулись в Гродно.

В коридоре нашей героини до сих пор висит капитанский штурвал, который мужу подарили в Мурманске, барометр, усатый человечек из Ужгорода, вымпел из Североморска, вымпел и фирменный флажок ПИПРО — память о нелёгкой, но насыщенной судьбе.

ВГ Вечерний Гродно • vgr.by

ВГ Вечерний Гродно • vgr.by